

П.В. Маркина

Алтайский государственный университет

«Вещи» В.П. Катаева как ответ текстами Ю.К. Олеси

Аннотация: В статье рассматривается рассказ «Вещи» в диалоге автора с текстами Ю.К. Олеси «Зависть», «Любовь», «Лиомпа». В.П. Катаев повторяет основные литературные ситуации и образы классиков и современников, чтобы размежеваться с ними.

In the paper the story «Things» is considered in the author's dialogue with J.K. Olesha's texts «Envy», «Love», «Liompa». V.P. Kataev repeats the basic literary situations and images of classics and his contemporaries so as to dissociate himself from them.

Ключевые слова: В.П. Катаев, Ю.К. Олеша, М.А. Булгаков, русская литература 1920–1930-х годов.

V.P. Kataev, J.K. Olesha, M.A. Bulgakov, Russian literature (1920–1930).

УДК: 82.09.

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66. АлтГУ, филологический факультет. Тел. (3852) 366379. E-mail: pvmarkina@mail.ru.

Творческий диалог двух писателей начался еще с самых ранних рассказов. В.П. Катаев вступает в полемику с художественно-эстетической концепцией Ю.К. Олеси. В 1927 г. в «Вечерней Москве» выходит рассказ «Вещи», в дальнейшем известный как «Лиомпа». Автор решает вопрос о жизни и смерти человека, утверждая, что время сокращает для тяжело больного предметный мир. Анализируя рассказ, В.Б. Шкловский заметил: «...для Олеси смерть – это потеря вещей, потеря, данная перечислением» [Шкловский, 1936, с. 190]. В 1929 г. В.П. Катаев отвечает рассказом «Вещи», утверждая прямо противоположную мысль, что стремление к обладанию вещами и доводит человека до смерти. Б.Я. Брайнина отмечает: «Стиль Катаева... обременен вещами, причем вещами обычными, домашними, очень характерными для быта культурного «промежуточного интеллигента» [Брайнина, 1932, с. 175]. Тем не менее, предметно-вещная сфера в текстах раннего В.П. Катаева связана с принципиальным утверждением особого оценочного комплекса, сформированного в полемике с М.А. Булгаковым и Ю.К. Олешей. Женщина с круглыми и пегими глазами, подернутыми сизой пленкой, вытягивает все жизненные соки из мужа, мечтая «сперва» об одеялах (значимый образ в «Лиомпе» и «Зависти»), затем о калошах, а потом уже и о «Полотенце... с петухами...» [Катаев, 1983, т. I, с. 335]. Надеясь на творчески осмысленный факт биографии М.А. Булгакова, В.П. Катаев решает философскую проблему в гендерном ключе.

На этом фоне особым выглядит рассказ «Зимой» (1923), где брат с синими глазами, «в сущности, добрый человек и неплохой писатель» [Там же, с. 262], разрушает счастье влюбленного рассказчика и Елены (в «Алмазном моем венце» прототипом синеглазого становится М.А. Булгаков). Ю.Л. Слезкин вспоминал об

увлечении В.П. Катаева сестрой М.А. Булгакова Еленой (Лелей) в 1923 – начале 1924 г.: «Катаев был влюблен в сестру Булгакова, хотел на ней жениться – Миша возмущался. “Нужно иметь средства, чтобы жениться”, – говорил он». Об этом же пишет и первая жена Булгакова, Т.Н. Лаппа: «... Леля... приехала в Москву к Наде... Был у нее роман с Катаевым. Он в нее влюбился, ну и она тоже. Это году в 23-м, в 24-м было, в Москве. Стала часто приходиться к нам, и Катаев тут же. Хотел жениться, но Булгаков воспротивился, пошел к Наде, она на Лельку нажала, и она перестала ходить к нам. И Михаил с Катаевым из-за этого так поссорились, что разговаривать перестали. Особенно после того, как Катаев фельетон про Булгакова написал в печати его, кажется, не было, – что он считает, что для женитьбы у человека должно быть столько-то пар кальсон, столько-то червонцев, столько-то еще чего-то, что Булгаков того не любит, этого не любит, советскую власть не любит... ядовитый такой фельетон» [Соколов, 2007, с. 180–182]. Факт биографии В.П. Катаев переопределяет в творчество.

В рассказе «Полотенце с петухом» (1926) девушка дарит в благодарность автобиографическому и автопсихологическому персонажу, доктору, спасшему ее жизнь, обозначенную в заглавии вещь, вышитую своими руками. За красивой историей В.П. Катаев увидел страсть синеглазого брата (вспомним сизую пленку Шуркиных глаз) к владению предметами. Поэтому он отдает знакомую вещь в выделенные мечты Шурки, вступившей с Жоржиком в законный брак по страстной взаимной любви в мае месяце. Первым делом, выйдя из загса на улицу, молодожены отправляются по желанию супруги «на Сухаревку. Вещи покупать» [Катаев, 1983, т. I, с. 334]. В месте торговли со зловещими тканями, дикой красоты вещами и ртутным зеркальным солнцем порнографическими голосами кричат граммофоны. Покупка вещей напоминает мутировавший первый акт супружеской любви: *«На щеках у Шурки выступил разливной румянец. Лоб отсырел. Черемуха выпала из растрепавшихся волос. Глаза стали круглые и пегие. Она схватила Жоржика пылающей рукой за локоть и, закусив толстые потрескавшиеся губы. Потщила по рынку... – Сперва одеяла... – сказала она, задыхаясь, – одеяла сперва... Калоши теперь, – пробормотала она, обдавая мужа горячим дыханием. – На красной подкладке... С буквами... Чтобы не сперли... Шуркины глаза подернулись сизой пленкой... – Полотенце теперь... с петухами... – почти протонала она, кладя голову на плечо мужа»* (здесь и далее в цитатах курсив мой. –П.М.) [Там же, с. 334–335]. Животная страсть женщины распаляется и не удовлетворяется по мере увеличения количества купленных вещей. Полотенце с петухами словно становится ее апофеозом.

В отличие от жены с тугой щекой и булкообразными локтями, слабогрудый Жоржик, обладатель костлявых плеча и ног, переживает приобретение вещей как тяжелое заболевание: «Мокрый чуб налип на побелевший лоб. Испарина покрывала разрисованные тонким румянцем щеки. Под глазами лежали фиолетовые тени. Полуоткрытый рот обнажал нездоровые зубы... Придя в холодную комнату, он блаженно скинул кепку и трудно закашлялся» [Там же, с. 335]. Очередная крупная покупка вещей свидетельствует о том, что он не успевает за своей все более жаждущей одеял супругой: «Жоржик, тяжело дыша, едва поспевал за ней, острым подбородком прижимая к груди небесно-голубое одеяло. Изредка он кашлял. По вдавленному его виску ползла темная капля пота... В последний раз Жоржика видели утром в будний день поздней осенью. Он косолапо шел по нашему переулку, уткнув длинный, прозрачный, как бы парафиновый нос в наставленный воротник потертой кожаной куртки... Острые колени его выдавались вперед, и широкий клеш мотался вокруг длинных и костлявых ног. Кепочка сидела на затылке. Чуб висел поперек лба, сырой и темный... Он шел, покачиваясь, осторожно обходя лужу, боясь промочить худые ботинки, и на бледных его губах играла слабая, виноватая, счастливая и какая-то ужасно милая улыбка» [Катаев,

1983, т. I, с. 338]. Ночью Жоржик умер, не осилив всех жаренных Шуркой на примусе больших черных котлет с луком.

Пространство коммунальной квартиры, где поселилась Шурка, восходит к трехчастному пространству «Лиомпы» (комната – коридор – кухня): «Утром кот Мурзик подошел к открытой Шуркиной двери, остановился на пороге, заглянул в комнату, и вдруг вся шерсть его стала дыбом. Он зашипел и попятился назад. А Шурка сидела посреди кухни на прожженном, сальном табурете...» [Катаев, 1983, т. I, с. 339]. В.П. Катаев оспаривает пространственные пометы Ю.К. Олешки. Женщина, проникая к мужчине, очень быстро вытесняет его совсем из мира, даже кот пугается того, что случилось с Жоржиком. Неудивительно, что на одной жертве она не может остановиться. Финал рассказа красноречиво свидетельствует, что долговязого и смиренного Ваню ждет судьба Жоржика.

Зловредность женщины проявляется в ее твердом знании мужчин в их потенциальной возможности к покупке вещей: «Много мужчин приходило к ней в течение зимы свататься, но она всем отказывала. Она ждала тихого и нежного, а эти все были нахальные и льстили на большое приданое» [Там же, с. 339]. Ровно через год сбросившая лишние килограммы Шурка вновь готова к сезонному обострению: «У нас во дворе работал в гараже один шофер – Ваня. Был он тих, нежен и задумчив. Он сох от любви к Шурке. В мае месяце она влюбилась в него тоже» [Там же, с. 340]. Повтор в финале рассказа начальной сцены (свадьба в мае, черемуха в жидких волосах и желание покупать вещи на Сухаревке) свидетельствует о замкнутости порочного круга.

Героя с люстриновой кепочкой и глупой улыбкой в тексте о его смерти почти совсем не остается. Вещи вытесняют Жоржика из мира. В отличие от рассказа Ю.К. Олешки, где умирающий сам смотрит в сад за окном, В.П. Катаев вспомнит о внешнем мире в момент смерти Жоржика: «Синие зимние звезды, ломаемые морозом, трещали и фосфорилились за черными окнами» [Там же, с. 339]. Конкурируя с автором «Лиомпы» в умении описать природу, автор «Вещей» утверждает традиционное равнодушие звездного неба к человеческой смерти.

Полемика с Ю.К. Олешкой продолжается в контексте столь значимой в «Лиомпе» семантики цвета. В рассказе В.П. Катаева цвет впервые назван в месте продажи вещей: «Прозрачные шарфы тошнотворных анилиновых цветов струились над ларьками в сухом, шелковом воздухе» [Там же, с. 334]. Краски, изготовленные на основе бесцветной химической ядовитой жидкости, свидетельствуют о негативной семантической окраске цветового поля. Предвкушение собственности в пространстве ртутного солнца окрашивает щеки Шурки разливным румянцем.

Главной характеристикой героини является цвет ее глаз – пегие, то есть имеющие пятна другого цвета, неоднородную окраску. Эта деталь в рассказе повторена трижды: впервые глаза становятся пегими от предвкушения покупки одеял, потом – от мечты о канареечном цвете (через орнитологический код обозначено представление о клетке как о рае) и, наконец, в самом финале рассказа – от нового мужа, способного к покупке вещей. Сизая (темно-серая с густым синеватым отливом) пленка подернет глаза Шурки в ожидании полотенца с петухами.

Образ Жоржика связан скорее с отсутствием цвета. Он сводится к неярким оттенкам болезни: после первых покупок героя отличает побелевший лоб, рисунок тонкого румянца на щеках и фиолетовые тени под глазами. Перед смертью он окрашен в цвета покойника: темные капля пота и чуб, парафиновый нос и бледные губы. Жоржик, в итоге, совсем растворился в пространстве. Сообщается, что увозит его серая лошадь в белой сетке [Там же, с. 339]. В.П. Катаев оспаривает выводы Ю.К. Олешки о дальтонизме («Любовь»), сопоставленном с переживанием отношений мужчины и женщины.

В отличие от своего мужа, любящая цветной мир предметов героиня не разбирается как в вещах, так и в их окраске. После покупки одеял Шурка страстно

желает обладать калошами на красной, тождественной малиновой, подкладке: «Они купили калоши. Две пары. На *малиновой* подкладке» [Катаев, 1983, т. I, с. 335]. Ночью в приступе паники она жарко шепчет своему мужу: «Проснись! Зря, знаешь, *канареечное* одеяло не взяли. *Канареечное* куда интереснее было. Определенный факт. *Канареечное* надо было брать. И калоши тоже *не на той подкладке* взяли. Не угадали... На *серой* подкладке надо было брать. Куда интереснее, как на *красной*» (здесь и далее выделено мной – П.М.) [Там же, с. 336]. Название ярко-желтого цвета привлекает героиню, очевидно, за счет своего звучания (вспомним любовь Ю. К. Олеши к красивым словам). На пособие умирающему Шурка, которой теперь пришлось уже одной сбежать на Сухаревку, покупает бордовое одеяло, по-своему понимая этот цвет. В последний раз она будит мужа, чтобы сообщить ему важную новость: «...там еще одно осталось, бурдовое... Все бурдовое-бурдовое, а подкладка не бурдовая, а в розочку» [Там же, с. 337]. За звуковой игрой прозрачно читается авторская оценка. По сути, нет различия между столь яркими цветами, так как все одеяла уложены в сундук лягушачьей раскраски (вспомним значимость для Ю.К. Олеши зеленого цвета). Шурка мыслится новым скупцом.

В.П. Катаев использует прием троекратного повтора: герой трижды ходил на Сухаревку за одеялами (в четвертый раз Шурка сходила одна, чтобы купить одно бордовое одеяло), трижды жена будила мужа по ночам, чтобы сообщить цветочные тайны одеял (четвертый раз «Жоржик не отвечал. Он был уже совсем холодный» [Там же, с. 338]), трижды холод подбирался к Шурке, пока окончательно не овладел ею в день смерти мужа (позднее ради нового жениха она заранее станет носить шерстяное платье). Только с третьего раза (в день смерти) Шурка, заговаривающая о котлетах в первый день совместной жизни и в первый день отпуска, начинает жарить их. Даже оппозиция между врачом поликлиники и знакомым доктором снимается за счет появления санитаря. Такое сознательное подчеркивание фольклорного элемента обнаруживает в тексте рассказа смещение свадебного и похоронного обрядов.

Первый день совместной жизни молодоженов за счет цветов, музыки, вещной атрибутики и общего ощущения траура приобретает сходство с погребальным обрядом, усиливающееся с первой покупкой одеял, что подтверждает их цвет: «Одно – пронзительно-кирпичное, другое – погребально-лиловое» [Там же, с. 335]. Сам свадебный пир больше похож на поминки: «Вечером пришли гости и был свадебный пир. Гости *с уважением* осмотрели и потрогали новые вещи, похвалили, *чинно выпили две бутылки водки, закусили пирогами*, потанцевали под гармонику и *вскоре разошлись. Все честь по чести*. Даже соседи удивлялись на такую *вполне приличную* свадьбу, *без поножовщины*... По уходе гостей Шурка и Жоржик еще раз полюбовались вещами, затем она *аккуратно прикрыла* новые стулья *газетами*, прочее, в том числе и одеяла, уложила в сундук, сверху устроила, буквами вверх, калоши и замкнула на замок» [Там же, с. 335]. Обращение Шурки с вещами напоминает уборку в доме покойника. Смерть Жоржика оправдает ее ритуальные действия.

Поминки по умершему мужу превращаются в свадебный обряд: «Когда по Жоржику справляли поминки, Шурка была *потрясающе весела*. Она, *не закусывая, выпила полстакана хлебного вина, раскраснелась*, слезы полились по ее *упругим щекам*, и она, *притопнув ногой*, закричала с надрывом... – Эй, кто там! Входи веселится, кто хошь. Всех пушу, только Жоржика одного не пушу!» [Там же, с. 339]. Грусть и надрыв Шурки демонстративно театральны и сходны с плачем невесты, заканчивающимся демонстрацией приданого: «И она ничком упала на кованный сундук лягушачьей раскраски и стала биться головой о музыкальный его замок» [Там же]. Традиционная метафора свадьба-похороны приобретает в рассказе В.П. Катаева буквальный смысл. Первый возлюбленный-покойник мыслится еще и «сватом» провожающим женщину к другому. Традиционный

сюжет о мертвом женихе переосмысливает и Ю.К. Олеша в романе «Зависть», где Кавалерова станет преследовать мысль о покойном муже Анечки Прокопович.

Помимо фольклорной основы сюжет рассказа В.П. Катаева имеет и литературные корни. Автор «Вещей» вступает в диалог с назидательностью «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина. Безмерная жадность не только не наказывается в финале рассказа, но приводит к осмыслению и усовершенствованию женских приемов в ловле мужчин.

Все вещи, приобретенные супругами, бессмысленные и бесполезные, не предназначенные для использования их человеком, например, «два стеганных, страшно тяжелых, толстых, квадратных одеяла, слишком широких, но недостаточно длинных» [Катаев, 1983, т. I, с. 334–335]. Тем не менее, покупка вещей продолжается и усиливается (они не оставляют человека, но и не принадлежат ему): «Супруги насилу дождались следующей полочки. Не теряя времени, они отправились на Сухаревку и купили канареечное одеяло. Кроме канареечного одеяла, были приобретены... мужские и дамские калоши на серой подкладке, ...непревзойденной красоты большая гипсовая собака-копилка, испещренная черными и золотыми кляксами... и кованый сундук лагушачьей расцветки с музыкальным замком» [Там же, с. 336]. Большая гипсовая собака непревзойденной красоты вызывает в памяти вазу-фламинго Андрея Бабичева: «Какая ваза стоит у дверей балкона на лакированной подставке! Тончайшего фарфора ваза, округлая, высокая, просвечивающая нежной кровеносной краснотой. Она напоминает фламинго» [Олеша, 1974, с. 15]. Великолепная птица таится в вещи. У В.П. Катаева образ строится по обратному оживлению вектору. В дискурсе его художественных текстов «прекрасная» вещь оказывается копилкой. В той же функциональной значимости находится и сундук Шурочки. В отличие от героев Ю.К. Олеша (Иван Бабичев раздирает платье девочки на балу, мстит тетке Лили Капитанаки и пр.), В.П. Катаев по-своему устраивает расправу над женским.

Увеличение количества вещей требует новых мест своего хранения. Для героини важным становится выбор механизма, запирающего очередной сундук: «Придя домой, Шурка аккуратно уложила новые вещи в новый сундук. Музыкальный замок сыграл хроматическую гамму» [Катаев, 1983, т. I, с. 337]. Хроматическая (букв. цветная, окрашенная) гамма предполагает звукоряд, включающий все двенадцать входящих или нисходящих в октаву звуков. Ориентация по звуку, традиционная в текстах В.П. Катаева, включает музыкальную тему, безраздельно принадлежащую вещам, но не человеку: похороны без оркестра, свадьба почти без музыки («гости... потанцевали под гармонику и вскоре разошлись»). Хроматический ознаменует главную идеологическую программу. Позднее каждые четверть часа днем и ночью хроматический язык московских курантов во «Времени, вперед!» [Катаев, 1983, т. II, с. 330] станет постоянным столичным напоминанием верности философских построений автора.

В отличие от Ю.К. Олеша, в рассказах которого важно засыпание, В.П. Катаев начинает настойчиво говорить о пробуждении. Шурка бесцеремонно по ночам требует очередного одеяла: «Проснись! Зря, знаешь, *канареечное* одеяло не взяли», «Перестань дрыхнуть! Жоржик-жа! Слышишь?.. Там было одно голубенькое. Зря не взяли. Интересное одеяло, безусловно», «Жоржик, Жоржик-жа, ...там еще одно осталось, бурдовое...» [Катаев, 1983, т. I, с. 336–337]. Ежегодно бдящая Шурка засыпает только в момент смерти собственного мужа: «Был третий час ночи, но в квартире никто не спал» [Там же, с. 338]. В.П. Катаев, повторяя образы и ситуации Ю.К. Олеша, иначе, представляет смерть.

В «Лиомпе» смерть по дороге к тяжело больному Пономареву уничтожает вещи. Крыса, приникшая в пространство жизни, обнаруживает непосредственную связь с кончиной персонажа: «Тут же в голову пришла ему беспокойная мысль, что крыса может иметь собственное имя, неизвестное людям. Он начал придумывать такое имя. Он был в бреду. По мере того как он придумывал, его охватывал

все сильнее и сильнее страх. Он понимал, что во что бы то ни стало надо остановиться и не думать о том, какое имя у крысы, – вместе с тем он продолжал, зная, что в тот самый миг, когда придумается это единственное бессмысленное и страшное имя, – он умрет» [Олеша, 1974, с. 194]. Анаграммируя в ее имени свой возможный диагноз «липوما», умирающий идет забирать вещи, но получает лишь голубой с желтыми украшениями гроб.

В.П. Катаев также устанавливает связь между жадной вещью и смертью. Все больше получающая одеял Шурка все больше отбирает жизни у Жоржика. Цветом гроба Пономарева автор «Вещей» окрасит прекрасного небесно-голубое недоступное одеяло. У В.П. Катаева в центре покупок, в мире *зловещих* тканей, оказывается небесно-голубое одеяло, приобретенное вместе с кроватью, в которой можно отражаться как в зеркале: «Шурка шла за тачкой и как зачарованная рассматривала свое воспаленное лицо, круто отраженное в красивых никелевых шарах новой железной кровати» [Катаев, 1983, т. I, с. 337]. Зеркальная кровать покойного мужа Анечки Прокопович говорит Кавалерова о смерти (те же переживания испытывает он на бабичевском диване). Зачарованная Шурка, получившая свой атрибут смерти, возвращает читателя к началу рассказа, где «кривое солнце ртутно покачивалось в колеблющемся от ветра зеркале» [Там же, с. 334]. Зомбированный мир обнаруживает диалог с романом Ю.К. Олеси «Зависть».

Жизнь Кавалерова, по сути, строится в выборе места для сна между диваном Андрея Бабичева, страшной лязгающей костями кроватью и зеркальной кроватью вдовы Прокопович: «замечательная кровать – из дорогого, покрытого темно-вишневым лаком дерева, с зеркальными арками на внутренней стороне спинок» [Олеша, 1974, с. 70]. Необычная вещь, пугающая Кавалерова своей роскошью и дающая возможность для полета воображения, переживает своего покойного хозяина. Она, отражая героя подошвами вперед, мыслится местом перехода в загробный мир.

В рассказе В.П. Катаева подчеркивается бедность Жоржика, никогда и ничем, кроме люстриновой кепки с пуговкой, потертой кожаной куртки и худых ботинок, не владевшего. Весь мир, кроме ужасно милой улыбки Жоржика, пронизан ядом (вспомним божью коровку-мухомор в рассказе Ю.К. Олеси «Любовь»), начиная с анилиновых красок и кончая черными котлетами и антисептическими средствами медиков. Последний доктор моет руки сулемовым (хлорная ртуть) мылом, обладающий сильным дезинфицирующим действием, а перед смертью Жоржика «вечером приходил санитар в ситцевом халате и дезинфицировал общую уборную. В коридоре зловеще запахло карболкой» [Катаев, 1983, т. I, с. 338]. Заметим, что поле запахов гораздо беднее цветовой сферы.

В рассказе они упомянуты трижды, словно острый запах карболки пробуждает всеобщее обоняние. Через три дня после смерти «парадные двери открыли настежь. Всю квартиру прохватил ледяной, свежий сквозняк. Пахнуло острым духом сосны, и Жоржика унесли» [Там же, с. 339]. Ольфакторный код становится авторской меткой, знаком наивысшего накала чувств. Появившаяся в начале рассказа веточка черемухи в финале текста вдруг одуряюще запахла [Там же, с. 340]. Ветка цветов и листьев, отсылающая к роману «Зависть», в «Вещах» вставлена в жидкие волосы Шурки.

Автор предупреждает нового мужа о коварстве выбранной им женщины: «К концу зимы она сильно похудела, стала носить черное шерстяное платье и сделалась еще интереснее» [Там же, с. 339]. Саму Шурку, любящую цветные одеяла, сопровождает черный цвет, например, в кухне, пространстве жизни, она жарит большие черные котлеты, контрастирующие с белыми пальцами доктора [Там же, с. 338]. В финале рассказа кажется уже вполне закономерной очередная жертва, попавшая в лапы черной вдовы. Концепция автора обнаруживается в контексте диалога с «Завистью», «Любовью», «Лиомпой», открывающими в тексте В.П. Катаева второй план. В совпадении и споре с Ю.К. Олешей автор «Вещей»,

развенчав женское, начинает утверждать силу техники. Автор романа «Время, вперед!» (столь знаково связанного с В.В. Маяковским) пытается бороться с навязанным ему мифом об Америке (синеглазый – американец). Успешно завершившееся противоборство откроет «советский» период творчества В.П. Катаева, что приведет к кризису и возобновлению диалога в поздней автобиографической прозе («Алмазный мой венец» и др.).

Литература

Брайнина Б. Творческий путь Валентина Катаева // Красная новь. 1932. № 4. С. 168–180.

Катаев В.П. Собр. соч.: В 10 т. М., 1983–1986.

Олеша Ю.К. Избранное. М., 1974.

Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. М., 2007.

Шкловский В. Разговор с друзьями // Звезда. 1936. № 8. С. 187–198.